

Капкан

На что рассчитывал Махно? На то, что за время соглашения успеют произойти изменения, которые не позволят большевикам его уничтожить: пополнится мобилизациями и окрепнет в боях с врангелевцами Повстанческая армия, вновь будут избраны местные «вольные советы», а вслед за ними – делегаты на Съезд советов Украины, где махновцы и анархисты «Набата» рассчитывали получить солидную квоту мест и интегрироваться, таким образом, в политическую систему Страны Советов. Это казалось вполне возможным. Они не видели в большевиках, с которыми имели дело, каких-то злодеев. Как правило, это были люди военные, а как военные, красные и махновцы уважали друг друга. В том числе и за удары, наносимые друг другу прежде. А во время совместного наступления не могла не родиться промеж них необходимая воинская солидарность – ибо им приходилось участвовать в жесточайших боях, «вытянуть» которые невозможно без братской помощи и самопожертвования. Наверно, в тылу все было иначе, чем на фронте. И все же доподлинно знать о скором разрыве соглашения могли только люди особо доверенные, представлявшие в Красной армии высшие партийные круги. Кто именно – мы не знаем. Не вполне ясна даже роль М. В. Фрунзе: был ли он заранее введен в курс дел или вынужден был играть ту же двусмысленную роль исполнителя политического приговора, которую в свое время сыграл латыш Иоаким Вацетис во время левоэсеровского мятежа, в сути которого Вацетис не стал разбираться, за что, собственно, и был обласкан партией.

Впрочем, мы не имеем права утверждать, что истребление махновцев было предрешено с самого начала. Для этого у нас нет никаких доказательств. Не найден еще ни один документ, напрямую подтверждающий это. И в то же время по бесчисленным аналогиям и параллелям времен Гражданской войны ясно, что ничем иным соглашение закончиться не могло. Анархисты, возможно, раньше других почувствовали убийственную, смертельную тяжесть Власти, сосредоточенной в руках большевиков, но все-таки даже и они, похоже, не могли представить себе, что имеют дело с Властью совершенно иного порядка, чем все, существовавшие до этого на памяти российских революционеров. Что подавление всякого инакомыслия входит в принцип этой власти, и уже по одному этому они с неизбежностью будут раздавлены. И именно поэтому может стать, что никакого изначального плана уничтожения махновцев у большевиков не было. Просто так должно было быть. Когда Врангель был разбит, принцип уничтожения сработал. Сам собой. Сработал он в Москве и в Харькове, оформился в виде записочки, затем – побежал по телеграфу в виде директив и приказов... Повинуясь ему, двинулись войска, пешим и конным ходом тронулись тысячи людей, не подозревавших о том, что они идут утверждать незыблемость принципа. Зазвенели клинки, ударили орудия... Это нельзя доказать. Но можно почувствовать.

Летом 1920 года, когда махновцы еще кружили по Украине, а Всеволод Волин сидел в московской тюрьме, в Москве с большой помпой собрался II Конгресс Коминтерна, который должен был знаменовать скорое торжество коммунизма в Европе. Фотографии с этого конгресса потом подарил Махно Бела Кун, чем необыкновенно расположил к себе батьку:

во-первых, он был «шишка», представитель «фронта», а во-вторых, уважил – как товарищ товарищу привез ему фотографии из Москвы. В Москве меж тем дело прошло вовсе не до такой степени гладко, как хотелось бы устроителям. Несмотря на дружные залпы газет по поводу мирового съезда большевиков, среди приехавших делегатов далеко не все оказались единомышленниками. Кое-кому удалось все же разглядеть жуткие детали за кулисами большевистского режима. Переполненные тюрьмы, отсутствие свободы слова, омертвление профсоюзов и полное подчинение их воле большевиков, военная диктатура вместо власти советов, фактическая однопартийность – для многих из тех, кто всю жизнь посвятил борьбе за свободу, такие порождения большевистской революции были абсолютно неприемлемы. Во французской делегации оказалось три диссидента: левый социалист Раймон Лефевр и два анархо-синдикалиста – Вержа и Лепти. Лефевр, как и подобало человеку, сделавшему выбор в пользу коммунизма, мужественно убеждал соратников в том, что избранный большевиками путь – ложен. Вержа и Лепти, не связанные партийными узами с большевиками, избрали более откровенный обличительный тон, хотя в глубине души необыкновенно сокрушались о том, что им говорить по возвращении товарищам о жизни в Советской республике. Несмотря на понятные колебания, они решили все же донести до товарищей правду об увиденном. Собрали целый архив документов. На просьбу властей ознакомиться с их досье они ответили отказом. После этого начались странные вещи: во Францию, вместе с основной группой делегатов, предводительствуемых Марселем Кашеном, их не отправили. Решено было, что они поедут позже. Потом выяснилось, что их отправят через Север. В поезде Москва—Мурманск было очень холодно, и они попросили сопровождавших их сотрудников ЧК выдать делегатам Конгресса теплую одежду. Чекисты ответили, что о наличии в поезде делегатов им ничего не известно. Вержа, Лепти и Лефевр спросили: «Кто же мы?» Сотрудники ЧК ответили: «Не знаем».

В этой истории много темного, много непонятного. Кто встретил их в Мурманске? Почему они не могли уехать обратно в Москву? Неизвестно. Известно как будто, что Лефевр написал в Москву несколько писем, требуя объяснить, почему их не посадят на корабль и не отправят в Швецию. Но неясно, откуда известно об этих письмах. В последнем из них Лефевр вроде бы писал о намерении купить у рыбаков лодку и добираться до Швеции самостоятельно. Несмотря на предостережения рыбаков, революционеры, купив лодку, отчалили от берегов страны победившего социализма и исчезли навсегда. Эта история не просто загадочна, она глубоко мистична. Кто погубил несчастных французов? Большевики? ЧК? Да нет, ведь они их и пальцем не тронули. Они просто отправили их на Север, где французы своими руками довершили то, чего большевикам только смутно желалось бы: они погибли.

Потому, что инакомыслящие должны были погибнуть. А Марсель Кашен и другие депутаты-коммунисты спокойно добрались до Франции, чтобы на Турском съезде повторить урок, усвоенный в Москве, и, отколов от соцпартии коммунистическое крыло, повести его за собой в лютые битвы за светлое будущее.

Эта весьма загадочная история рассказана В. Волиным в книге «Неизвестная революция» (95). Разглядывая подаренные Белой Куном фотографии улыбающихся коминтерновцев, Махно ничего не знал о ней. И Волин, когда он по требованию Махно в 1920 году был освобожден из тюрьмы, тоже еще не знал. Не мог разгадать символа, в ней заключенного.

Да и вряд ли имел время разгадывать: ему срочно пришлось ехать в Харьков на помощь махновской делегации.

После заключения соглашения между Повстанческой армией и правительством Украины авторитет Махно среди анархистов необычайно возрос. В Харькове вышло несколько номеров газет «Путь к свободе» и «Голос Махновца», пошла подготовка к всеукраинскому съезду анархистов, кого-то выпустили из заключения – все это были невиданные прежде достижения, которых мирным путем, пропагандой достигнуть было нельзя. Но Махно был недоволен ходом переговоров. Вопрос о четвертом пункте – о «вольном советском строе» в махновском районе – не продвигался. Попов пил и вообще вел себя бестолково. Махно не стерпел и выговорил ему в письме: «Возложенная на вас работа политического и военного представительства является крайне ответственной, и вы, будучи в Харькове, должны отдать ей все время, стараясь принести максимум пользы нашему движению со всех его сторон: военной, политической и культурно-просветительной. Совершенно недопустимо вторично слышать о вашем нерадивом отношении к делу, порученному вам армией. Я надеюсь, что следующие сообщения о вашей работе будут иные, более отрадны для всех нас...» (12, 173). В помощь харьковской делегации Махно послал Ольгу Таратуту – старую анархистку, прошедшую сквозь огонь двух революций и каторжный тюремный режим.

Время нещадно подгоняло. Махно прекрасно сознавал, что политически добился весьма относительных успехов, в то время как выпустил из рук и ввел в игру свой главный козырь – армию. На фронт были посланы лучшие силы – специально сформированный корпус под командованием С. Каретникова.

В. В. Белоусов, механик связи 125-й бригады 42-й дивизии, в возрасте девяти лет так описывал появление махновцев на подступах к фронту в селе Христофоровка: «Вышел я на улицу. К моему удивлению, в сторону позиции движутся тачанки, на каждой тачанке 4-5 человек и пулемет. По неофициальным данным, 10 тысяч при 500 пулеметах и четыре пушки. Я начал считать и надоело – тачанки идут и идут. У махновцев одежда разнообразная: хорошие богатые пальто, украинские свитки, солдатские шинели. На шапках красный бант. Махновская армия заняла участок нашей 125-й бригады...» (8).

Общее наступление красных должно было начаться в последней декаде октября. 19-20 октября у Фрунзе состоялось несколько серьезных разговоров с главкомом С. Каменевым по поводу перспектив прорыва. Говорили по телефону. Фрунзе сказал, что опасается, как бы белые не начали отход на юг, на мелитопольские позиции (что дало бы им возможность значительно сократить и уплотнить линию фронта), до начала наступления. Фрунзе считал это худшей вероятностью из всех возможных.

Каменев предположил, что Врангель вряд ли уйдет на юг, «не померившись с нами силами в районе между Днепром и мелитопольскими позициями», но возможности такой не исключал. Стратегический план Фрунзе был ударами конницы прорвать белый фронт и отрезать основные силы белых от Крыма. Не дать им уйти туда. Несмотря на то, что силы Красной армии превосходили белых численно как минимум вдвое (133 тысячи красноармейцев против 58 тысяч врангелевцев), была существенная опасность, что удар выйдет недостаточно сильным и все смажется. Командарм 2-й конной Миронов жаловался,

что в армии нет ни дисциплины, ни комсостава, ни снабжения, а в отдельных частях «абсолютный развал», в связи с чем выражал опасение, что задачу форсирования Днепра у Никополя армия выполнить не сможет.

Фрунзе и Каменев обсудили возможность часть мироновских сил передать Первой конной Буденного, которая стояла ниже по Днепру и, вырвавшись с каховского плацдарма, могла бы срезать белых под самый корень, но тут уж Каменеву пришлось признать, что с такими массами кавалерии (7 конных дивизий) Буденному не совладать (82, оп. 1, д. 146 с, л. 3-4).

К тому же после разгрома под Варшавой знаменитая Конармия Буденного была, пожалуй, даже в худшем положении, чем мироновцы: неудача похода расстроила ее, переброска с польского фронта на врангелевский – разложила. По пути следования армии повсюду отмечались грабежи мирного населения. Бойцы явно потеряли смысл, ввергнувший их в водоворот войны, и открыто начинали дурить. Еще 6 октября в докладе Ленину о положении на фронте Фрунзе отмечал, что Первая конная «будет представлять угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем» (12, 179), и просил прислать в армию агитатором товарища Калинина. Калинин приехал, когда нужно было уже не агитировать, а карать: при попытке остановить мародеров был убит конармейцами комиссар 6-й кавдивизии Шепелев. Москва отдала беспрецедентный в истории Красной армии приказ: судить всю дивизию. Под предлогом приезда в часть товарища Калинина дивизия была выведена на смотр. Плац для смотра был найден вблизи железной дороги. Когда построение закончилось, на пути стало два бронепоезда. Под дулами орудий и пулеметов Ворошилов объявил смутьянам, что дивизия будет прощена, если сама выдаст мародеров. Выдано и расстреляно было больше ста человек. Так что и на Первую конную полагаться вполне было тоже нельзя...

Если бы белые продолжали незыблемо держать фронт, можно было бы стянуть к началу наступления свежие силы и перегруппировать старые, но так как врангелевцы могли в любой момент начать, как улитка, втягиваться в свою крымскую «раковину», приходилось быть готовыми к наступлению с весьма неясными перспективами. Вряд ли Фрунзе ожидал, в частности, что первыми прорвут белый фронт части Александровской группы, ядро которых составляла Повстанческая армия Махно.

Еще 17 октября командарм—13 И. П. Уборевич связался с Фрунзе и доложил, что Повстанческая армия могла бы сыграть огромную роль, обеспечивая стык его с соседней 4-й армией. Уборевич предложил во время наступления бросить махновцев в район Гуляй-Поле—Орехов – и тем самым рассечь надвое 2-ю белогвардейскую армию генерала Абрамова. Фрунзе признал соображения мудрыми, понимая, что прежде всего повстанцы постараются освободить свою «столицу» и свой район, и подчинил корпус Каретникова Уборевичу. Дождаться приказа об общем наступлении частям Александровской группы, однако, не пришлось. Двадцать первого октября Фрунзе получил какие-то сведения, подтверждающие его опасения относительно отхода белых на юг под прикрытием арьергардов и, в частности, об отводе в городок Армянский базар, за Перекопский вал, танков, бронемашин и тяжелой артиллерии. Он немедленно реагирует приказом: «...путем выдвижения вперед авангардных частей и глубокими поисками проверить вышеуказанные сведения, разбивая арьергарды противника, воспрепятствовать проводимой им перегруппировке сил, для чего... командарму Повстанческой в ночь с 21 на 22/X выступить

из района сосредоточения и, двигаясь форсированным маршем, обойти вышеуказанную группу с востока... отрезать бронепоезда противника и ударом с тыла их разгромить» (82, оп. 1, д. 146с, л. 24-26).

Несмотря на присутствие перед фронтом 13-й армии «всех частей Донкорпуса противника», считавшегося в числе лучших врангелевских соединений, махновцам и частям 23-й дивизии удалось не только выполнить приказ Фрунзе, но и нанести тяжелое поражение Дроздовской дивизии, взять четыре тысячи пленных и в буквальном смысле слова разорвать фронт, чем Фрунзе немедленно и воспользовался.[21] 23 октября красные вместе с махновцами взяли Александровск, 25-го – Гуляй-Поле. В тот же день корпус Каретникова получил от командующего фронтом новый приказ: «Двигаясь в направлении Орехов, Б. Токмак, Мелитополь и далее, громить тылы противника (штабы, обозы, связь, жел. дороги). Разрушить жел. дорогу на участке Мелитополь – ст. Сальково и по возможности не позднее 29/X овладеть перекопскими перешейками» (82, оп. 1, д. 146с, л. 30).

Это свидетельство для нас необыкновенно важно, ибо советские историки Гражданской войны «контрнаступление Южного фронта» отсчитывают с 28 октября. А что же, в таком случае, происходило целую неделю до этого?! Еще Вторая конная не навела переправы через Днепр, еще не получили приказа о выступлении буденновцы, которым, по замыслу, отводилась во всей операции главная роль, а Повстанческой армии уже предписывалось «овладеть перешейками!». Конечно, это была своего рода военная игра: а вдруг выгорит? Первая конная к выступлению была не готова, а Повстанческой армией можно было и рискнуть, черт бы с ней, если б сгнула, – зато в случае успеха это была бы просто невероятная удача! Позже, в одном из блокнотов, куда Фрунзе записывал к осмыслению – то ли своему, то ли будущих историков – ключевые моменты операций против Врангеля, он отметил, что издал этот приказ потому, что представители махновцев в Харькове уверяли, что задача овладения перешейками легко может быть выполнена Повстанческой армией.

Семен Каретников, руководивший операциями махновцев, однако, размышлял по-своему. Он понимал, что так для Повстанческой армии дело, пожалуй что, добром не кончится: даже если она и пронзит белый тыл и захватит перешейки, она все равно будет стерта в порошок отступающими белыми. Белые еще слишком сильны, а Фрунзе готов пожертвовать его корпусом, как дальнобойной фигурой в шахматной игре. Каретников заартачился.

В этой связи интересен эпизод, рассказанный уже упоминавшимся нами связистом Василием Белоусовым. Как раз в эти дни, 25-26 октября, он нес дежурство на телефонной станции. Было раннее утро. Внезапно к дому подъехали три кавалериста. Один спешил и вошел в залу. Увидев дежурного, сказал, что он, уполномоченный войск группы Махно Каретников, желал бы соединиться со штабом Южного фронта. 42-я дивизия, в которой служил Белоусов, воевала против махновцев с 1919 года, так что надо понять, что доверия к гостям у двадцатитрехлетнего механика связи не было никакого. Он соединился со штабом бригады, в которой служил. Пришел комбриг, пожал Каретникову руку, с интересом разглядывая его, после чего дал разрешение на связь и удалился. Связывались многоступенчато: сначала вызвали телеграфом штаб 42-й дивизии, дивизия связалась с армией, армия – с фронтом. Каретников продиктовал такой текст: «В назначенное вами время группа Махно перешла в наступление на белогвардейцев, понесла потери в живой силе. Мы просим

командование Южного фронта выступить и, двигаясь своим маршрутом, придти к намеченной вами цели. В случае отказа от наших требований мы окопаемся и будем стоять на месте» (8). Ответа из штаба фронта долго не было. Каретников поглядывал в окно – «не окружают ли станцию». Наконец телеграф отстучал ответ Фрунзе: «Штаб Южного фронта дал согласие на вашу просьбу». Каретников поблагодарил связистов и вышел. Дня через два, вспоминает В. Белоусов, действительно началось наступление. «Махновцы передают пленных белогвардейцев, а наши части сопровождают в тыл. Фронт так быстро двигался, что пехота не успевала подходить» (8).

Это частное свидетельство чрезвычайно важно, ибо оно совершенно в ином свете выставляет конфликт между Южфронтом и командующим группой войск Махно Каретниковым. Историки и по сей день повторяют, что как только было занято Гуляй-Поле, махновцев неудержимо потянуло домой, и Каретников запросил 4–5 дней отдыха своим частям. Фрунзе отказал. Вероятно, повстанцев действительно тянуло домой, только Каретниковым все же руководило совсем иное чувство, нежели тоска по теплой хате и по галушкам в сметане, – а именно нежелание со своим корпусом лезть на рожон, когда по всему фронту красные части еще стояли без движения.

Двадцать восьмого же, когда наступление действительно началось, штаб махновцев получил от Фрунзе приказ, похожий на ультиматум: если махновцы будут по-прежнему оставаться в Гуляй-Поле, а не приступят немедленно к выполнению поставленной фронтом боевой задачи, он будет считать их самоустранившимися от боевых действий по разгрому Врангеля (12, 176). Зачем Фрунзе понадобилось формулировать приказ в столь резкой форме, не совсем понятно: махновцы вовсе не прятались в Гуляй-Поле, просто в нескольких километрах южнее села проходила линия фронта; к тому же гуляйпольское направление Повстанческой армии было определено самим Фрунзе... Вероятно, командующему фронтом просто хотелось вкатить Каретникову и Махно профилактическую зуботычину, чтобы сразу дать им понять, что он никакой «самодеятельности» не потерпит. Однако в целом в «таврический» период военных действий отношения между махновцами и большевиками складывались нормально. Курсант Петроградской военно-инженерной школы Иван Мишин, который через две недели будет сидеть в стогу сена на берегу Сиваша, вспоминая октябрь 1920-го, рассказывал: «Совершая марши, наша бригада нередко останавливалась в одних населенных пунктах вместе с махновцами. За весь период наступления наших армий не наблюдалось какого-либо антагонизма между курсантами и махновцами. Махновцы называли нас „курсаками“, приглашали к себе для проведения свободного времени. Что ж, говорили, вы, курсаки, так скучно живете? Песен не поете, горилку не пьете? То ли дело у нас! Однако никакого разобщения между курсантами и махновцами не чувствовалось и в выполнении поставленных командованием Красной армии боевых задач» (57).

Правда, после разгрома Дроздовской дивизии к махновцам, стяжавшим себе славу, переметнулось несколько менее стойких, чем столичные курсанты, пулеметных команд, прельщенных «вольным духом» Повстанческой армии. В военной части соглашения была оговорка: части друг у друга не переманивать. 22 октября в повстанческий штаб приехал из Реввоенсовета Южфронта Бела Кун – заминать инцидент. Почему-то позднейшие биографы венгерского коммуниста усматривали в этом факт беспримерного героизма, хотя дело было совершенно заурядное. Жена Куна в воспоминаниях о муже договаривается до того, что

махновцы могли убить его за одно неосторожное слово и только искали повод для провокации... Зачем?! Все это плод неведения и горячечной патетики... Махновцам нужно было соглашение, и они не пытались его нарушать, более всего озабоченные тем, чтобы выполнять пункты договора с буквальной точностью.

28 октября – день начала контрнаступления Южного фронта – стал для белых роковым. Вторая конная все-таки переправилась через Днепр и удержала удар Донского корпуса белых, пытавшегося столкнуть ее обратно в реку. Фрунзе записал: «лучший из конных корпусов Врангеля разбился о 2 Конную армию» (82, оп. 1, д. 146с, л. 31). Это было не так, но все-таки фронт белых был прорван, и стало ясно, что залатать его не удастся. Ночью 28 октября на левом фланге части 42-й дивизии сделали еще один прорыв во фронте и взяли Большой Токмак. На рассвете 29-го махновцы, выступившие на фронт в соответствии с приказом Фрунзе, обошли городок с тыла и штурмом овладели окопами противника, захватив пленных и трофеи. Тридцатого с опозданием выстрелила, наконец, Первая конная, пытаясь фланговым ударом закрыть белым проход в Крым, но белые ее отбросили сильным встречным ударом. Тридцатого же с тяжелыми боями части 13-й армии Уборевича вместе с махновцами неудержимо двинулись на юг, захватили Мелитополь, на следующий день – Акимовку, вплотную подбираясь к Крыму. На очень небольшом пространстве, все более сужающемся к Перекопскому перешейку, в эти дни, смешавшись, дрались огромные массы войск: пять советских армий Южфронта и отходящие белые. Красное командование все еще надеялось, что, несмотря на опоздание Первой конной и колоссальную неразбериху, хотя бы часть белых удастся отрезать от Крыма и уничтожить.

3 ноября стало ясно, что эту задачу выполнить не удалось. Врангель в беседе с представителями печати удовлетворенно констатировал: «На рассвете 18(31) октября наши части атаковали красных, прижав их к Сивашу. Одновременно ударом с севера и северо-запада конница Буденного была разбита, причем нами захвачено 17 орудий и более 100 пулеметов и целиком уничтожена латышская бригада. В то же время Донской корпус разбил части 2-й Конной армии и 13-й армии... До полудня 19 октября (то есть 1 ноября по новому стилю. – В. Г.) конница эта не решалась нас атаковать. После полудня... противник повел атаку по всему фронту... 19-20 и 21 числа (соответственно, 1, 2 и 3 ноября. – В. Г.) эвакуация продолжалась, и лишь после последнего поезда, проследовавшего через Сивашский мост, наши части отошли, взорвав его. Наши войска стали занимать укрепленные позиции... Противник, особенно конница Буденного, понес в последних боях громадные потери... У нас, благодаря планомерному отходу и содействию тяжелой артиллерии, а также бронепоездов, потери незначительны...» (79, оп. 3, д. 316, л. 4).

3 ноября белые заперлись в Крыму. На фронте наступило несколько дней затишья. Того же числа Ленин в одной из своих директивных записок потребовал от т. Гольцмана (главодежда) пошить в срок 20 тысяч охотничьих сапог для армии. Что происходит на Южном фронте, Ленин толком не понимал. Врали ему, по-видимому, все. Еще в самом начале контрнаступления С. Каменев и М. Фрунзе составили ему страховочную телеграмму, что в случае ухода врангелевцев в Крым, за Турецкий вал, шанс их успешного разгрома – один из ста. На самом деле оба были уверены, что разбить белых удастся еще до Крыма, и осторожную телеграмму отправили просто на всякий случай, который, как назло, и приключился. Ленин был разозлен.

Того же 3 ноября, выступая на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования, Ленин потребовал от пропагандистов решительно и повсеместно вбуравливать в головы мысль, что пришло время каждому человеку «стать или по эту, нашу, сторону, или по другую» и строго осознать «главенство политики коммунистической партии», которая «все исправляет, назначает и строит по одному принципу». К слову сказать, Махно в этой речи был упомянут в числе «разнообразных форм контрреволюции», среди Юденичей, Колчаков, Петлюр и т. д. (46, т. 41, с. 401–403). Знай Махно об этой речи, у него был бы повод крепчайшим образом призадуматься. Совершенно ясно, что Ильич ни на йоту не изменил свою точку зрения, принцип диктатуры пролетариата оставался для него незыблемым, и столь же бессомнительным казалось то, что воплощается диктатура через повсеместное господство одной, коммунистической партии, несогласие или даже непринадлежность к которой уже есть контрреволюция.

Но Махно не знал об этой речи. Он переживал последний взлет, последнюю эйфорию. После взятия повстанцами Гуляй-Поля Махно смог, наконец, перебраться в родное местечко из Старобельска, где его хоть и лечили, но держали, по специальному решению Екатеринославского губкома, в строгой изоляции от красных частей. Гуляй-Поле немного ожило, хотя оно было до полного уже изнеможения истерзано войной. Польский анархист Казимир Теслар, побывав в это время в Гуляй-Поле, потом писал: «Я был в Гуляй-Поле зимой. Окрестности и городок были густо засыпаны снегом. В каждом дворе стояла знаменитая „тачанка“ – знак того, что в каждом доме нашли приют повстанцы... Еще при въезде в городок я заметил окружавшие его заброшенные окопы. Когда же мы въехали в центр, я был поражен жестокостью войны, которая, прокатившись по этим местам, оставила глубокие следы повсюду. Лучшие дома были разрушены. Другие – и таких очень много, – сильно повреждены... Повсюду видны воронки и следы огня...» (94, 268–269).

Вслед за Аршиновым историки, желающие казаться объективными, повторяют слова о «райской» жизни в Гуляй-Поле в ноябре 1920 года, обязательно поминая при этом ликбез, несколько театральных постановок «из жизни повстанцев», независимую школу имени испанского революционера Франсиско Феррера, где преподавались в числе прочих наук теория и практика анархизма, история французской революции (по Кропоткину) и история русской революции. Но все это, конечно, были лишь слабенькие завязи нормальной жизни посреди опустошения, произведенного Гражданской войной.

Война давила. Война продолжала определять весь ритм гуляйпольской жизни и настроения людей, которые, если судить по отрывку из дневника (датированному все тем же 3 ноября) одного из работников махновского Культпросветотдела, были очень далеки от райской безмятежности.

«...Скучно и грустно, – пишет неизвестный, записки которого много лет спустя обнаружил в партархиве Украины историк В. Волковинский. – Терзает и не дает покоя мысль – „а что дальше будет?“ Белогвардейщина будет раздавлена, и что дальше будет с повстанческой армией. В комсоставе чувствуется усталость. Сам Махно дышит усталостью, нет никакой намеченной цели в армии и определенного плана, а также нет культурных работников. Боюсь, что коммунисты объявят нас вне закона, и тогда начнется пролитие снова трудовой крови. Эти головотяпы не могут понять, что у них разлагается Красная Армия и перейдет на

нашу сторону. Но весь наш трагизм состоит в отсутствии культурных сил. Махно тоже воздерживается от работы. Я чувствую, что он устал» (12, 174).

Предчувствия, предчувствия...

Многим глубоким предчувствиям открывается душа, когда вечером у керосиновой лампы человек остается один на один со своими мыслями и чистым листом бумаги...

4 ноября по красным частям на фронте проходит как бы трепетание: войска вплотную подтягиваются к берегу моря. Зачем-то «крымский корпус» Каретникова на один день переходит в подчинение командования 4-й армии В. С. Лазаревича и получает от Фрунзе приказ сосредоточиться вместе с 7-й кавдивизией «в районе Петровка – оз. Соленое, что в 5 вер. южнее Громовки, с целью форсировать Сиваш и ворваться в Крым...» (82, оп. 1, д. 146 с, л. 7).

В целом, было совершенно ясно – особенно после неудачных атак Турецкого вала с фронта, – что «взламывать» Крым нужно как можно скорее и именно через Сиваш; спешке способствовало и то, что, вне сомнения, и главком С. Каменев, и командующий Южным фронтом М. Фрунзе получали поощрительные нагоняи и из Харькова, где находился Троцкий, и из Москвы. Единственное, что 4 ноября еще невозможно было собрать разметанные во время последних боев части и двинуть их в наступление.

5 ноября корпус Каретникова был переподчинен командованию 6-й армии А. И. Корка. Днем спешно производилась разведка бродов. Донесения были, в общем, утешительные: «От мыса Кураван броды проходимы только для пехоты, в районе острова Чурюк-Тюп сейчас непроходимы по случаю глубокой воды, от с. Ивановка по направлению Армянского базара два брода проходимы для подвод» (82, оп. 1, д. 146с, л. 8). В тот же день Корк в Новониколаевке лично передал С. Каретникову приказ Фрунзе о форсировании Сиваша. «Отношение махновцев к Красной Армии не было достаточно ясно, – туманно писал позднее Корк, – ...поэтому командующий войсками фронта поставил задачу – отряд Каретникова выдвинуть вперед»[22] (36, 443).

За то, что случилось далее, красное командование, несомненно, должно быть благодарно Семену Каретникову: «Отряд Каретника двинулся через Сиваш, но, не доходя до Литовского полуострова, вернулся, и начальник отряда донес, что местность настолько болотиста, что о прохождении Сиваша говорить не приходится» (36, 443). Таким образом, белые прежде времени не узнали, где планирует нанести решающий удар Фрунзе. Именно поэтому атака белогвардейских позиций в ночь с 7 на 8 ноября была неожиданна и увенчалась успехом. Теперь попытаемся объяснить то, что произошло, отбросив расхожие обвинения махновцев в трусости.

Семен Каретников был против союза с большевиками, когда решался вопрос о соглашении с ними. Он им не верил. Однако, став фактическим командиром Повстанческой армии в боях против Врангеля, он, по условиям договора, оперативные приказы красного командования обязан был выполнять. И он выполнял их, «притормаживая» исполнение только тогда, когда ему всерьез начинало казаться, что красное командование готово «рискнуть»

Повстанческой армией и увлечь ее в сомнительное и авантюрное дело: так было с приказом Фрунзе от 25 октября об овладении перешейками, так же обстояло дело и с приказом Корка о форсировании Сиваша в ночь на шестое. Какими бы ни были силы крымского корпуса махновцев, Каретников был все же достаточно опытным командиром, чтобы совершенно ясно осознавать: кавалерией и тачанками позиций белых на Литовском полуострове не взять и уж, во всяком случае, не удержать; наступление в целом не готово; следовательно, корпус опять суют в огонь только потому, что у большевистского начальства то ли нервный зуд, то ли истерика. Вот он и придумал, что Сиваш непроходим.

Пока 6 ноября проверяли и промеряли, проходим или нет, прощупывали дно – подошла пехота: 52-я и 15-я стрелковые дивизии. Вот теперь заваривалось что-то похожее на серьезное дело, на штурм. Теперь не только махновцы подставлялись под пули, но и две лучшие красные дивизии – а Каретников твердо был уверен, что в соглашении с большевиками только пролитая на равных паях кровь и скрепляет дело. И не приведи бог Повстанческой армии где-нибудь подставиться под смертельный удар – махновцы сразу станут не нужны своим союзникам...

7 ноября окончательно выстроился план операции. Отомкнуть Перекопский перешеек должна была ударная группа 6-й армии, причем дело мыслилось так: покуда 51-я дивизия, по всей вероятности, безрезультатно, будет с фронта биться в стену Турецкого вала, в тыл белой крепости через Сиваш выйдут махновцы и части 15-й и 52-й дивизий. 52-я сразу повернет на север, к Перекопу, и нанесет удар в спину белым, а 15-я развернется на юг, чтобы предохранить десант от возможной контратаки (ибо части, которые должны были овладеть Литовским полуостровом, оказывались, с одной стороны, в тылу главной врангелевской твердыни, но, с другой стороны, перед фронтом второй, юшуньской линии обороны, отстоящей от первой всего лишь километров на пятнадцать). Действуя хладнокровно, между двумя укрепленными позициями десант можно было бы и раздавить. Чтобы не дать белым опомниться, одновременно – в шестидесяти километрах к востоку от Перекопа – начиналось форсирование Сиваша и штурм врангелевских позиций на Чонгарском полуострове силами 4-й армии – который в случае успеха открывал дорогу кавалерии в глубокий тыл белых. Вся кавалерия – и 1-я, и 2-я конные армии, и 3-й конный корпус Каширина – стояла на второй линии и должна была вступить в дело не раньше, чем в белом фронте обнаружится пробоина.[23]

Возможно, для окончательного приведения в порядок частей нужны были бы еще сутки, но 7 ноября поступили сведения, что с восточным ветром стала прибывать вода в Сиваше, и Фрунзе отдал приказ о наступлении. В десять часов вечера махновцы, а вслед за ними красная пехота двинулись через залив в Крым.

То, что происходило той ночью и последующим днем, мы не можем себе вообразить. Ибо, честно говоря, не представляю себе, какой силы ярость должна была питать атаку после того, как люди четыре часа брели в ледяной воде при морозе в двенадцать градусов. В два часа ночи красные с махновцами достигли крымской суши и бросились на позиции врага. В темноте, раздираемой лишь лезвиями прожекторов, закипел кровавый бой. Самое главное, что не только красные с махновцами, в прямом смысле слова перенесшие адскую пытку холодом, но и белые тоже понимали, что назад – нельзя. Назад – смерть. Конец. Бой был

действительно страшен. Несмотря на ярость атаки и солидную силу, к рассвету красные и махновцы еще не овладели полуостровом: до двух часов пополудни кипел бой, пока не выдохся, – белые отступили, оставив десанту клочок плоской суши длиной в семь, шириною – в три километра.

Утром следующего дня, 9 ноября, 52-я дивизия, чуть оправившись от смертельной усталости, бросилась сзади на перекопскую позицию белых, а 15-я, как и предусматривалось планом, стала потихонечку расковыривать вторую линию обороны, путь на юг. Поняв, что уже не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле настал час «последнего и решительного боя» из всемирного гимна пролетариев, белые дрались ожесточенно. В середине дня левый фланг 15-й дивизии был опрокинут налетевшей из-за врангелевских окопов кавалерией генерала Барбовича и стал отходить. Белые бросали в бой последние резервы, лучшие части.

В данных разведки о боеспособности корпуса Барбовича говорилось совершенно недвусмысленно: «группа очень боеспособна, стойка и спаянна. Комсостав опытен и энергичен» (79, оп. 3, д. 300, л. 35). Нет ничего удивительного, что под ударами почти 3,5 тысячи отборной конницы красная пехота не устояла в голой степи между Сивашом и соленым озером Красное, где значатся на военных картах лишь придорожный трактир и два колодца, и стала отступать. Навстречу коннице Барбовича был брошен корпус С. Каретникова: вылетев навстречу белогвардейцам лавой, махновцы симитировали неизбежность рубки и лишь в последний момент, разделившись, ушли в две стороны, оставив на пути белых 200 хлещущих огнем пулеметных тачанок.

Такой плотности огня даже лучшие офицерские части выдержать не могли. Корк в своих воспоминаниях о взятии Крыма признал, что 15-й дивизии «оказал поддержку отряд Каретника, который быстро развернулся и встретил конницу противника убийственным пулеметным огнем. Конница бросилась назад... левый фланг 15-й дивизии был быстро приведен в порядок» (36, 447).

Ночью с 9 на 10 ноября генерал Барбович дал своим войскам приказ перейти к самой упорной обороне, указывая, «что ни один шаг назад быть не может, это недопустимо при общей обстановке, мы должны умирать, но не отходить». Приказ предписывал «на ночь выставить все пулеметы, приготовить артиллерию к ночной стрельбе, часть дивизии спешить и держать в цепи, имея впереди секреты. Остальным дать надежный отдых» (79, оп. 3, д. 316). Впрочем, решающего значения эти приказания уже не имели: за эти дни 30-я дивизия прорвала оборону белых на Чонгарском полуострове и открыла Красной армии второй проход в Крым. Пал Турецкий вал. 11 ноября и вторая линия обороны врангелевцев была прорвана. Фрунзе ввел в бой конные резервы. Началось стремительное, уже без боя, отступление белых к черноморским портам...

Покуда армия Каретникова сражалась в Крыму, в Гуляй-Поле, при штабе Махно, жизнь тоже не стояла на месте: как раз 9 ноября, в самый разгар боев с белыми, на совете Повстанческой армии был заслушан отчет вернувшихся из Харькова Куриленко и Буданова о ходе переговоров с Совнаркомом Украины. Махно продолжал настаивать, что первостепенная задача делегации – добиться от правительства выделения территории под

экспериментальное строительство «вольного советского строя». Трудно сегодня представить себе, что он верил в этот пункт соглашения, как будто месяц бесплодной волокиты не говорил уже сам по себе, что дело тухлое и тянется только для виду. Нет! Махно здесь впал в какой-то (вполне, впрочем, объяснимый) самообман: не мог поверить, что заключенное им соглашение – не более чем декорация для спектакля куда как более драматичного, чем гуляйпольская постановка «Жизнь махновцев».

А впрочем – о чем говорить?! Кому в эти дни не верилось, что с победой все образуется, все обернется к лучшему, станет по-человечески? Всем, кажется, верилось: до того опротивела эта война, до того обрыдли жестокость, кровь и убийства! И почему бы не поверить в это махновцам, если сами красные верили в это? Если даже белые поверили?

Лишь только стало ясно, что воля Русской армии к сопротивлению сломлена, Фрунзе 11 ноября издал знаменитое обращение к врангелевцам, в котором белым предлагалось прекратить боевые действия с гарантией прощения: «Сдающимся, включительно до лиц высшего состава, полное прощение в отношении всех поступков, связанных с гражданской борьбой». Всем желающим покинуть Россию гарантировалась возможность «беспрепятственного выезда за границу при условии отказа на честном слове от дальнейшей борьбы против рабоче-крестьянской России и Советской власти», а желающим остаться – возможность трудиться на благо Родины (83, 439).

Фрунзе был известен решительностью действий в отношении врагов и благородной снисходительностью к побежденным. Нет сомнения, что решающую победу над силами контрреволюции командующий Южным фронтом хотел увенчать благородным актом прощения. Это было и по-человечески, и политически понятно и хорошо: страна должна была, наконец, сойти с круга ненависти и резни, люди должны были впервые за много лет обратиться друг к другу лицом, чтобы перестать друг друга расстреливать только за различия в военной форме, должны были поглядеть в глаза друг другу, чтобы попытаться понять: что произошло? Что сделали со страной, друг с другом? И простить. Важнее всего то, что простить.

Психологически обращение Фрунзе было составлено очень тонко. Такого тона давно ждали от железных большевиков – может быть, именно такого и ждали от них, чтобы им поверить. В. В. Вересаев вспоминает, что слова о примирении во имя Родины были с глубоким сочувствием восприняты белым офицерством: «Молодое белое офицерство, состоящее преимущественно из студенчества, отнюдь не черносотенное, логикой вещей загнанное в борьбу с большевиками, за которыми они не сумели разглядеть широчайших народных и трудовых масс, давно уже тяготилось своей ролью и с отчаянием чувствовало, что пошло по ложной дороге, что выхода на другую дорогу ему нет» (10, 30). Обращение Фрунзе, ставшее широко известным благодаря передаче его по телеграфу – и, соответственно, принимаемое радистами повсюду в белом тылу, – казалось, приоткрывает возможность перейти на другой путь: побеждены, но прощены во светлое имя России!

Попробуем разделить, попробуем понять это чувство надежды и мы, чтобы острее почувствовать остроту разочарования. Ибо далее открывается одна из самых позорных, самых мрачных страниц Гражданской войны. Уничтожение крымского корпуса махновцев,

конечно, можно рассматривать в отрыве от всего того зверства, которое началось в Крыму вскоре после победы над Врангелем. Но тогда нам не понять, что все, что происходило – считая и махновцев, и белых солдат и офицеров, которых, со связанными руками и ногами, расстреливали из пулеметов в шаландах, выведенных в море, и красноармейцев, расстрелянных ради профилактики разбродов и шатаний в Красной армии, – все это произошло из одного корня, после того как интонация воззвания Фрунзе – интонация праздника и спасения – сменилась интонацией беспощадства и духом пыточной камеры.

На следующий после воззвания день, 12 ноября, Фрунзе получил шифрограмму из Москвы (копия – Троцкому в Харьков): «Только что узнал о вашем предложении Врангелю сдаться. Крайне удивлен непомерной уступчивостью условий. Если противник примет их, то надо реально обеспечить взятие флота и невыпуск ни одного судна, если же противник не примет этих условий, – то, по-моему, нельзя повторять их, и нужно расправиться беспощадно. Ленин» (46, т. 52, 6).

12 ноября Ленин написал пять указующих записок. В принципе, эта записка (на деле означающая новый виток Гражданской войны, неизбежные репрессии, связанные с ними социальные и психологические травмы всей нации и другие, не менее важные последствия) ничем не выделялась из числа других, написанных так же деловито и бодро.

Не знаю, что должен был испытать Фрунзе, получив послание вождя. Наверно, отчаяние. Ленин ничего не понял. Не понял, что великодушие важнее кораблей. Не понял, что нельзя, не будучи провокатором, ставить перед бегущей армией невыполнимые условия («невыпуск ни одного судна»). Не понял, что командующий фронтом обращался к каждому солдату, к каждому белому офицеру лично, а не к командованию Русской армии с предложением о капитуляции на таких-то условиях... Зато для Фрунзе после этой шифровки должно было стать ясно, что своей партии в этой победной музыке ему сыграть не удастся, что ему, умудрившемуся до сих пор сохранить незапятнанной репутацию военного, на этот раз, скорее всего, придется позамараться, выступив в роли обманщика и палача: чтоб не пылало шибко сердце да не заносилась голова...

Входя как командующий победоносным фронтом в большевистский пантеон, он тоже должен был быть повязан с заглавными его фигурами предательством и кровью. В самый момент триумфа партийная верхушка большевиков принялась Фрунзе ломать, испытывая на «свойскость» по закону банды. В общем, он этого испытания не выдержал. Хоть и хотел. Какой силы давление осуществлялось на командующего фронтом, можно судить, в частности, на основании приказа, подписанного им 15 ноября, внутренний смысл которого полностью противоречит духу его воззвания к врангелевцам: «Радио определено указывает о затруднительном положении судов противника, вышедших в море и оказавшихся без запаса угля, воды и сильно перегруженными... Приказываю развить самую энергичную работу подводных лодок и ликвидировать попытки противника морем ускользнуть из-под ударов наших армий» (87, 134).

Через четыре дня после обещания прощения – приказ беспощадно топить беспомощные, перегруженные людьми (в том числе и штатскими) транспорты! Возможно ли это?! Ведь приказы такого рода отдавали, пожалуй, лишь гитлеровцы во время тотальной войны на

море. И тем не менее...

Нет сомнения: «ломка» Фрунзе была прямым прологом к крымской резне...

Со стороны ничего не изменилось, хотя история уже потекла в другое русло... После прорыва Юшуньских позиций настало время триумфов. Одна за другой красные части без боя занимали города, соревнуясь за право первыми прошествовать по главной улице. 13 ноября Вторая конная армия и махновцы вошли в Симферополь, 15 ноября – Первая конная и отряды крымских партизан – в Севастополь. 16-го красные заняли Керчь, 17-го – Ялту. Крым пал.

За эти пять дней произошли невидимые, не сопровождавшиеся ни выстрелами, ни торжествами события, которыми, однако, многое определилось. Предчувствия каких-то серьезных изменений в эти дни, конечно, снедали многих, хотя никто в точности не знал, что происходит. Но факт, что, когда 13 ноября в Гуляй-Поле от Каретникова пришла телеграмма, что Турецкий вал пал и крымский корпус вместе с красными идет на Симферополь, Григорий Василевский, зная о всех самообольщениях батьки по поводу переговоров, все-таки не удержался и воскликнул: «Конец соглашению! Ручаюсь чем угодно, что через неделю большевики будут громить нас!» (2, 180).

Василевский, друг Махно и участник всех его предприятий с 1918 года, эту фразу выкрикнул, конечно, в сердцах, но он даже не подозревал, насколько он близок к истине. Уже 13 ноября, разговаривая по телефону с главкомом С. С. Каменевым, М. В. Фрунзе сказал, что «повстанческая армия в последних боях вела себя неважно и явно отклонялась от задач, связанных с риском серьезных потерь» (12, 179). Совершенно непонятно, что хотел этим сказать Фрунзе – после форсирования махновцами Сиваша?! Но также очевидно, что Каменев зачем-то специально задал ему вопрос по поводу махновцев. Возможно, предреввоенсовета республики Л. Д. Троцкий попросил главкома начать поиск компромата на «союзников»? Не исключено. 14 ноября в Харькове состоялось заседание ЦК большевиков Украины с участием от российского ЦК Троцкого и Л. Серебрякова, на котором по-большевистски делово и прямолинейно был обсужден вопрос о Махно, и решено было поручить Я. Яковлеву, Х. Раковскому и С. Минину поддерживать связь с Реввоенсоветом, чтобы «обсудить предстоящие боевые действия против Махно» (12, 180).

Это фантастично! Это поистине гениально! Махно еще пальцем не шевельнул против большевиков. Всего пять дней назад махновцы вместе с красноармейцами выдрали из рук у белых перекопскую победу. И вот тому самому Якову Яковлеву, который подписывал соглашение с Повстанческой армией от имени правительства Украины, партия поручает обдумать, как уничтожить союзников. Не договориться с ними, а именно уничтожить. Причина не важна, ибо сработал принцип, ибо задана интонация, сказано слово – «расправиться беспощадно».

О заседании ЦК махновцам, естественно, ничего известно не было. Харьковская делегация продолжала обихаживать Х. Раковского, от которого ждали решения вопроса о «четвертом пункте». В Крыму тоже как будто ничего не внушало особых опасений: после взятия Симферополя крымский корпус Каретникова был отведен в пустоватый район степного

Крыма южнее Евпатории, возле озера Саки. Триумфальной славы ему не полагалось. Но, наверно, махновцы особенно на это и не рассчитывали.

Пятнадцатого почему-то оборвалась связь между крымскими частями и Гуляй-Подем. Вот это уже могло бы послужить серьезным предостережением и Каретникову, и Махно. И наверняка даже они обеспокоились, но для объяснения, конечно, сыскалась подходящая техническая причина. Может быть даже, в нее не поверили, но, с другой стороны, – что было делать? Рвать соглашение? Начинать боевые действия против большевиков? На это махновцы были совершенно не способны психологически. Махно довольно попартизанил, ему хотелось определиться посolidнее, поэтому он и держался за соглашение до последнего.

А держаться ему было трудно, потому что тыл – это был тыл, здесь фронтовые чувства не действовали – а по-прежнему остро, как зимой, как весной и летом, свербели проклятые вопросы крестьянской жизни, по-прежнему не принимаемые большевиками в расчет. И пока батя все пытался в обмен на свою подмогу выпросить у большевиков кусок земли для устройства крестьянского рая, тихо тлела в тылу тайная война, положить конец которой мог, конечно, только экономический компромисс с крестьянством. Нэп – в ноябре 1920 года.

Но никакого нэпа тогда не ввели. И в красные штабы, и в Гуляй-Поле постоянно поступали сведения об убийствах в махновском районе отдельных красноармейцев, о невыполнении разверстки, о грабежах. Докладывали, что в некоторых районах «нельзя было передвигать обозы без сопровождения сильной кавалерийской части» (24, 212). Иначе грабили.

ЧК бдительно следила за Махно. Повсеместно были внедрены агенты. В штаб 4-й армии один из них сообщал: «Настроение махновских частей, расположенных в с. Песчаном, резко враждебно по отношению к коммунистам. Публика эта определенно говорит о предстоящей вооруженной борьбе с нами. Усиленно муссируются слухи, что все буденновцы соединятся с Махно и пойдут против нас, причем об этом говорят не только сами махновцы, но и крестьяне всего уезда...» (78, оп. 3, д. 589, л. 1). В том же ключе следует воспринимать жалобы продкомиссара Владимирова члену реввоенсовета 4-й армии Грюнштейну: «Получил сообщение из Александровска, что волости отказываются от выполнения разверстки, ссылаясь на необходимость предварительного разрешения Повстанческой армии. Никто не выполняет разверстку...» (там же, л. 4).

Конфликт был стар, как сама революция, но тут еще приобрел звенящую остроту из-за того, что крестьяне, из которых формировались отряды Махно, получили в руки оружие. Действительно, в тылу свежесформированные части Повстанческой армии в отношении красноармейских частей вели себя все более задиристо. Замечательно в этом отношении письмо старого атамана-потемкинца Дерменджи, который встревожился воровским поведением своих хлопцев и отписал начальнику махновского штаба В. Белашу: «Т. Белаш, нужно сделать распоряжение и приказ по полкам, чтобы проходящие части ни в коем случае не раздевали. Началась полная грабилька, насилие и убийство» (78, оп. 3, д. 589, л. 25). Командир третьего повстанческого полка Клерфман, напротив, сообщал в Гуляй-Поле, что под видом махновцев грабежи совершают красноармейцы и местная милиция (там же,

л. 24). Это, кстати, подтверждается сообщением в штаб 4-й армии из мелитопольского комиссариата по военным делам: «В районе Веселовской волости ночью... красноармейцы 20 кавполка 4 дивизии 1 (конной) армии избили начальника уголовного розыскного отдела, ограблена в с. Гавриловка гражд. Крахмаль, взяты лошади, бричка, 52 аршина сукна...» (там же, л. 20). Красноармейцы, видно, украли сукно, чтобы вывезти домой в качестве военного трофея по случаю победы. Но вообще разобраться в этой «грабильке», кто, что и зачем украл, было совершенно невозможно, ибо после окончания военных действий прекратить эксцессы, неизбежные при наличии оружия у сотен тысяч людей и нерешенности крестьянской проблемы, можно было, лишь осуществив две меры: компромисс с крестьянством (хотя бы в виде, предлагаемом Махно) и демобилизацию армии.

Иначе – новая война.

12 ноября в Гуляй-Поле приехал уполномоченный александровского ревкома Н. Гоппе: партия поручила ему выяснить, что происходит в столице Махно, каково влияние махновцев в деревне, организуются ли комитеты незаможных селян. Получив отрицательные ответы на поставленные вопросы, товарищ Гоппе стукнул своим: «Власти Советской в уезде нет, сплошь ревкомы существуют для приезжающих инструкторов и частей Красной Армии» (12, 174). Между тем товарищ Гоппе сообщал сущую неправду: советская власть в уезде была, только не большевистская. Именно Советы постановили не сдавать продразверстку. С этим никто считаться не собирался. Сами вопросы, которые надлежало выяснить Гоппе, говорят о том, что большевики, действительно, ни во что не ставили «политическую часть» соглашения с Повстанческой армией и были бы довольны только в том случае, если бы батька Махно стал коммунистом, издал бы приказ о создании комнезамов, призвал бы со всей Украины большевиков и лично, рубя головы, ездил бы во главе продотряда, ссыпая крестьянское зерно на подводы.

Товарищ Гоппе просидел в Гуляй-Поле три дня, собирая сведения. Его обихаживали В. Белаш и сам Махно. Белаш намекнул, что тыловые эксцессы неизбежны, пока не подписан пункт соглашения о «вольном советском строе». Махно слегка смягчил нажим своего начштаба и сумел убедить Гоппе, что разделяет его тревоги и будет неукоснительно выполнять условия договора с правительством, тем более что в нем ни полслова не было ни о нормах продразверстки, ни о комитетах бедноты. Советские историки пишут обычно, что Махно просто тянул время. Я настаиваю, что Махно действительно надеялся на «дипломатический» исход своей борьбы до конца, до тех пор пока утром 26 ноября не начался артиллерийский обстрел Гуляй-Поля.

Ждать, впрочем, оставалось недолго. Напряжение в тылу, планируемый съезд анархистов в Харькове, вызывавший злобное раздражение большевистских властей, наличие на Украине довольно-таки значительных вооруженных отрядов, подчиненных Махно, – все это подталкивало события к скорейшей и однозначной развязке.

17 ноября крымский корпус Каретникова был переподчинен командованию 4-й армии В. С. Лазаревича. В тот же день командарму—4 была подчинена действовавшая при Врангеле в крымских горах повстанческая армия А. В. Мокроусова. Мокроусов был анархист, но из числа идейно смирившихся и давно отдавших свои военные дарования на службу

большевистскому делу. Его отряды влились в Красную армию без всяких эксцессов. С Каретниковым, как легко было предположить, все будет далеко не так просто.

18 ноября по секретной связи, от Фрунзе в штабы армий, проходит ряд странных приказов, отменяющих какие-то прежние его предписания. В тот же день Фрунзе отменяет предполагавшуюся командировку Корка. Начинается постепенное «обставление» красными частями крымского корпуса Каретникова, расположившегося в деревне Замрук южнее Евпатории. Подходят и располагаются вокруг три пехотные и три кавалерийские дивизии, артбригада. Одновременно в Таврии начинаются аналогичные операции по тихому окружению вновь сформированных полков Повстанческой армии в Воскресенке, Цареконстантиновке, Малой Токмачке и в других местах.

В марте 1921 года, когда события еще были свежи в памяти и не требовалось вуалей, чтобы придать им более благопристойный вид, Н. Ефимов, анализируя ситуацию, прямодушно писал: «Был составлен приказ окружения Махно и двух его групп: Крымской и тыловой... Конечно, план окружения мог удалиться только при наличии внезапности, активности и большой инициативы со стороны Красной Армии. В свою очередь, активность и инициатива могли быть проявлены лишь после тщательной подготовки красноармейских частей. Особенно требовалась солидная политическая подготовка. Надо было хорошенько разъяснить, почему Красная Армия после достигнутого соглашения все-таки принуждена уничтожить махновцев...» (24, 212–213).

Для начала открытых боевых действий нужно было только время.

20 ноября, когда, по-видимому, вокруг крымского корпуса махновцев были выставлены все номера для предстоящей охоты, Фрунзе отдал Каретникову приказ № 00119: частям корпуса, войдя в состав 4-й армии, выступить на Кавказ для ликвидации остатков сил контрреволюции (84,181).

Когда советские историки утверждают, что это была попытка командующего Южфронтом «мирным путем» ликвидировать махновщину, хочется рассмеяться. В лучшем случае, это было серьезное, хотя и жестокое, предложение: либо вы сдаетесь, сдаете мне – армию, Троцкому – Махно, коммунистам – «вольные советы» и весь свой анархо-крестьянский бред, либо – сами знаете что...

Связаться с Гуляй-Подем Каретников не мог из-за отсутствия связи. Что дело плохо, он, конечно, почувствовал давно, но не мог уяснить себе общей картины. Приказ Фрунзе практически отменял соглашение между Повстанческой армией и Совнаркомом Украины. В самом ли деле соглашение расторгнуто – или его провоцируют? Он не знал.

Вечером 20 ноября в колонии Булганак состоялся митинг частей крымского корпуса. Открыл собрание Каретников, обнародовавший приказ командующего фронтом. Собрание выслушало. Собрание составило необыкновенно дипломатичный ответ красному командованию. В нем говорилось: «Революционное повстанчество всегда стояло на страже революции и охраняло ее интересы. Незыблемо будет беречь и охранять свои социалистические основы и традиции построения повстанческой армии. Будет подчиняться

согласно договора, заключенного с правительством Украины, какое является для обеих сторон нерушимым...

...Поэтому еще раз напоминаем командованию Красной Армии дать нам распоряжение, не нарушая основ соглашения...

...Были случаи, что военными и гражданскими представителями Советской власти запрещалось печатание наших газет и листовок, а также вооруженной силой разгонялись митинги до их открытия, арестовывали и избивали наших представителей. Это прямое нарушение основ соглашения и явление недопустимое в свободной революционной стране. Требуем выполнения всех пунктов соглашения и широкой его публикации...» (78, оп. 3, д. 589, л. 32).

Протокол собрания был направлен в полевой штаб Южфронта Фрунзе.

Михаил Васильевич, который сам военную часть соглашения подписывал, прекрасно понимал, что имеют в виду махновцы, однако, понукаемый, по-видимому, по партийной линии, он уже не отступал от намеченного плана.

23 ноября С. Каретникову был предъявлен новый приказ, в котором его частям предлагалось немедленно приступить к сдаче оружия и реформированию повстанческих войск в регулярные части Красной армии. Были приведены аргументы, диктующие необходимость такого преобразования. Не совсем понятно, кому они предназначались. Как ни крути, а можно считать установленным, что в Гуляй-Поле об этих приказах не знали и Махно впервые прочитал в газетах их текст только в декабре. Значит, Фрунзе, отдавая эти приказы, хотел, по сути, только одного: разогнать и разоружить корпус Каретникова в Крыму и лишить Махно лучшей кавалерии.

24 ноября – новые приказы по частям фронта, выдержанные в откровенно-истерическом ключе, должно быть, для «подогрева» красноармейцев, которым предстояло принять участие в войне против вчерашних союзников. Поражает ложь, на которой командующий фронтом выстраивает весь свой пафос негодования: «Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли в каких-то особых видах остаться с остальными бандами во фронтовом тылу. Махно спешно организует и вооружает за счет нашего трофейного имущества новые отряды...» (85, 25). «С махновщиной надо покончить в три счета. Всем частям действовать смело, решительно и беспощадно. В кратчайший срок все бандитские шайки должны быть уничтожены, а все оружие из рук кулаков изъято и сдано в гос. склады... До 26 ноября я буду ждать ответа на вышеизложенный приказ. В случае неполучения такового, что представляется наиболее вероятным... красные полки фронта... заговорят с махновскими молодцами другим языком» (12, 182).

Об этих «внутренних» приказах по красным полкам фронта махновцы ничего не знали. «Несмотря на то, что оба приказа М. В. Фрунзе были изданы в непосредственной близости от Гуляй-Поля, перехватить их махновцам не удалось», – замечает по этому поводу историк В. Волковинский. Это отчасти проясняет для нас тот достойный удивления факт, что когда 25

ноября С. Каретников через красное командование получил от Махно «вызов» на совещание в Гуляй-Поле, он этому сообщению поверил и с небольшим эскортом стремглав пустился на встречу с батькой, чтобы, наконец, избавиться от проклятой неизвестности и уяснить, что делать...

Для него это избавление настало раньше, чем он ожидал. Мы не знаем точно, где и когда Каретников был перехвачен в пути. Расстреляли его на другой день в Мелитополе. Части сопровождавших его людей удалось вырваться из устроенной засады, потому что они были арестованы только в ночь на 27 ноября в Джанкое. Завразведкой 2-й стрелковой дивизии сообщал в штаб 4-й армии: «Вместе с сим препровождается в ваше распоряжение 24 махновца, следовавшие с командиром Повстанческой и арестованные в ночь на 27.XI в Джанкое. Приложение: список»[24] (78, оп. 3, д. 589, л. д. 7).

Если бы Каретников не так торопился увидаться с батькой, он бы, быть может, остался в живых. Днем 25 ноября кто-то из красноармейцев передал махновцам, что выступление против них назначено на 2 часа ночи 26 ноября. Таков приказ комфронтом.

Думаю, что красноармейцы не только выдали махновцам планы командования, но и пообмыслили совместно, как тем нужно уходить. В принципе, махновцев окружали те самые части, с которыми они бок о бок дрались против врангелевцев, но были среди них более твердые, вроде 15-й, бывшей латышской, дивизии, и более мягкие, более сочувственно настроенные к ним, вроде кавалерии Первой и Второй конных армий. Во всяком случае, никакого «прорыва», в настоящем значении этого слова, а уж тем более прорыва штурмового, рисующегося воображению некоторых историков, когда проклятое кулачье, врубив все свои 200 пулеметов, прожгло кольцо блокады, не было. С наступлением темноты оставшаяся без командующего группа Каретникова «собралась и направилась к шоссе Симферополь—Перекоп. По дороге, встретив 7-ю кавдивизию, махновцы ее разбили и свободно прошли к деревне Джума-Аблам» (24, 213). Хоть автор этих строк, Н. Ефимов, писал их и по свежим следам событий, тут интересно бы выяснить – а в самом ли деле был бой? Части Каретникова и 7-й кавдивизии вместе стояли в селе Петровка накануне форсирования Сиваша и прекрасно друг друга поняли как сорвиголовы и профессиональные рубаки. Зимой 1921 года 7-я кавдивизия проявляла в боях с махновцами так мало рьяности, дезертирствуя и, в общем-то, просто слоняясь в районе боевых действий, что ее обвиняли в промахновских настроениях и чуть не расформировали. Вполне возможно, что бойцы дивизии пропустили махновцев через свое расположение, просто сымитировав бой, а еще того скорей – именно они и предупредили махновцев о готовящемся нападении. Во всяком случае, прорвавшийся корпус Каретникова никто не преследовал.

Н. Ефимов пишет, правда, что «после обнаружения прорыва немедленно вслед уходящим махновцам был брошен 3-й конный корпус и части 52-й дивизии» (24, 214). Но это, на самом деле, значит только то, что красные части получили приказ о преследовании. Но даже советские историки признают, что выполнять они его не спешили, не понимая, видимо, в чем дело. Уставшие, решительно настроившиеся отдохнуть и возвращаться домой войска охватило какое-то полное безволие. Командир 3-го кавалерийского корпуса Каширин вообще заявил, например, что корпус «совершенно не в состоянии двигаться и нуждается в трехнедельном отдыхе» (78, оп. 3, д. 35, л. 77).

А. И. Корк, получая в Симферополе данные разведки, беспокоился: «27 ноября в 16 ч. 50 м. отряд махновцев в районе Юшуни проскочил колонной глубиной до трех верст через расположение 52 див. в северовосточном направлении и, очевидно, форсированным маршем будет продолжать двигаться на Перекоп и Литовский полуостров... Конгруппа и 52 дивизия получила задачу от командарма—4 преследовать махновцев в направлении на Перекоп. Приказываю начдиву—1 немедленно приступить к выполнению задачи, поставленной моей телеграммой нр 111/к... Действовать быстро, решительно...» (78, оп. 3, д. 35, л. 71).

В приказе командующему латышской дивизией Корк как-то флегматично констатировал: «По непроверенным сведениям кавдивизия вчера у Юшуни имела бой с махновцами, и, видимо, сегодня махновцы пройдут через Перекоп или Сиваш...» (там же, л. 74).

Эти свидетельства для нас чрезвычайно важны, потому что по одной из расхожих версий махновцы вырвались из Крыма тайным путем, нежданно-негаданно явившись перед Перекопом и назвав верный пароль, чем как будто ввели в заблуждение охранявшие Турецкий вал части 1-й стрелковой дивизии, даже не вызвав у них подозрений. Все это – что совершенно ясно становится из приказов Корка – нисколько не соответствует действительности. Красные знали обо всех передвижениях махновцев, но ровным счетом ничего не предпринимали. Якобы было столкновение с частями 52-й дивизии, но в это верится с трудом: еще и трех недель не прошло, как они вместе форсировали Сиваш. Как было драться братьям по оружию? В этом смысле весь план «замкнуть» махновцев в Крыму имел колоссальный изначальный изъян: разгром повстанцев должны были осуществить те самые части, которые вместе с ними сражались против белых. Предполагалось, очевидно, что тысячи простых солдат проявят большевистскую сознательность и совершат предательство с той же легкостью, с какой повернулся политический рычажок в мозгах Ленина и Троцкого. Этого не произошло. «Следствием чего, – читаем у Н. Ефимова, – махновцы спокойно дошли до Армянского базара к вечеру 27 ноября» (24, 214). Здесь они разделились: одна группа двинулась на Литовский полуостров, возможно, еще усеянный телами убитых, которых некому было схоронить в ледяной степи, и ушла из Крыма через сивашский брод. Воистину, было что-то зловещее в этом ночном бегстве махновцев вспять – по следам своей величайшей победы! Вторая группа, может быть, и назвав какой-то пароль, «прошла у Перекопа мимо незначительных и небоеспособных частей первой стрелковой дивизии», которая, несомненно, поняла, кто перед нею, но решила боя не принимать (24, 214). Утром 28 ноября обе группы соединились в деревне Строгановка на Таврическом побережье. Казалось, им удалось вырваться из крымской западни. Однако радоваться было рано: именно здесь, в Таврии, ждали их части, которые не питали к ним никаких чувств и гораздо лучше были психологически подготовлены к операциям против них.[25]

В Харькове, где тщетно продолжали свою дипломатическую работу члены махновской делегации с Волиным во главе, развязка наступила значительно быстрее. Понятно, что приказов Фрунзе с ультиматумом повстанческим частям до сведения махновских представителей никто не довел. Правда, Волин утверждал, что в середине ноября один сочувствующий анархистам телеграфист предупредил его о двух секретных телеграммах Ленина Раковскому, в которых будто бы предписывалось вести за анархистами наблюдение и начать готовить на них компромат «по возможности уголовного характера» (95, 284). Все это по духу весьма похоже на правду, но, увы, подтвердить сообщения «одного

телеграфиста» документальными материалами мы не можем.

Показательно, что накануне рокового дня 26 ноября (и через 11 дней после заседания ЦК КП(б)У, на котором было предрешиено уничтожение махновщины) Волина «сердечно» принял в своем кабинете Христиан Раковский и вновь сочувственно поведал ему, что вопрос о выделении территории для «вольного советского строя» обсуждается в инстанциях в Москве и, скорее всего, со дня на день следует ждать положительного ответа оттуда.

Поздно вечером, после выступления на митинге в Харьковском сельскохозяйственном институте, Волин вернулся в номер гостиницы и еще некоторое время работал над статьей для газеты. В половине третьего, когда он улегся наконец в постель, по лестнице загрохотали сапоги, грохнул выстрел, и после нескольких крепких ударов в дверь он услышал: «Открывай, иначе высадим дверь!» Зная по опыту, что это значит, Волин быстро собрался, после чего и был препровожден в какой-то подвал, куда на протяжении всей ночи свозили арестованных анархистов.

Так главный пункт политической части соглашения дождался своего «благополучного решения» – не удержался Волин от саркастического замечания по этому поводу (95, 644). После вынужденного и, в некотором смысле, неестественного для большевиков попустительства политическим оппонентам настал сладостный час расправы. Забирали всех, пишет Волин, вплоть до 14—16-летних мальчиков, будто речь шла «об уничтожении грязной расы анархистов до третьего колена» (95, 284). Всего в последнюю неделю ноября в Харькове было арестовано 346 анархистов (94, 274). Представлявшие махновскую делегацию Попов, Буданов и Хохотва были отправлены в Москву и расстреляны. Запоздалый выстрел, уготовленный Попову приговором Ревтрибунала еще в июле 1918 года, все-таки прозвучал. Всего в Москву из Харькова было переправлено 40 человек. Вновь возвращался в знакомые места отсидки Волин, впервые должны были увидеть настоящие застенки ЧК махновские командиры Середа, Зинченко, Колесниченко.

Надежды анархистов интегрироваться в систему советского строя рухнули.

Не менее драматически и загадочно развивались события в Гуляй-Поле. Наиболее странна неудавшаяся попытка покушения на Махно, имевшая будто бы место 20 ноября. О ней рассказал в своих показаниях ЧК Виктор Белаш и – с некоторыми отличиями в деталях – Аршинов в «Истории махновского движения». В первом случае речь идет о 40 (!) чекистах из спецгруппы по ликвидации анархобандитизма Ф. Я. Мартынова, появившихся якобы в Гуляй-Поле в середине ноября и попытавшихся во время большой пирушки, на которой собрался весь махновский штаб, забросать присутствующих бомбами. Однако махновцы опередили их и семь человек схватили. На допросе те сознались в злоумышлении и перед смертью назвали срок, когда Гуляй-Поле подвергнется атаке (12, 182). У Аршинова речь идет лишь о 9 агентах контрразведки 42-й дивизии, которые были схвачены 23 ноября и тоже, не выдержав разговора по душам, назвали сроки.

Нет никакого сомнения в том, что чекисты Мартынова страстно желали физического уничтожения Махно. Но что 40 человек посторонних могли появиться, найти себе приют и выносить злой умысел в Гуляй-Поле, где каждый чужой бросался в глаза и которое к тому

же слишком многое пережило с 1917 года, представляется деталью совершенно фантастической. Зачем Белашу потребовалось такое городить на допросе, известно только ему одному. Однако жизнь он себе в результате выговорил. А ведь взяли его только осенью 1921 года, когда Махно уже ушел в Румынию...

Совершенно не укладывается в логику событий и то, что чекисты проговорились махновцам о вероломных планах красного командования. Напротив, все говорит как раз о том, что о приближающемся нападении в Гуляй-Поле ровным счетом ничего известно не было. Ну неужели, зная о дне, когда суждено совершиться предательству, Махно сидел бы на месте с охраной всего в 300 человек? Неужели он не ушел бы из села, не собрал из формировавшихся поблизости частей сильный отряд, чтобы ударить в тыл предателям и разгромить их? Можно ручаться, он проделал бы что-нибудь в этом духе. И проделал, как только на него напали.

Может быть, самым неожиданным аргументом против присутствия несметного количества чекистов в Гуляй-Поле является то, что у красного командования не было сколько-нибудь ясного представления о том, сколько, в действительности, войск в «столице» Махно; все разведанные были многократно преувеличенными и основывались, похоже, на слухах, что в конечном счете сослужило Махно добрую службу. Одно из донесений сообщало, например, что «армия Махно насчитывает до 9000 человек, около 2500 сабель» (12, 182), другое с той же категоричностью утверждало, что «войск в Гуляй-Поле до 1000 сабель и 3000 пехоты при 3-х орудиях...» (12, 182). Что, спрашивается, делали то ли сорок, то ли девять агентов в Гуляй-Поле, если они не смогли даже пересчитать, сколько войск состоит при штабе?

Вообще, эпизод с чекистами слишком смахивает на фрагмент из лихого киносценария: интересно, откуда он всплыл, зачем понадобился Белашу, почему устроил тех, кто его допрашивал?..

Действительные события развивались куда более прозаически. 24 ноября гуляйпольский Совет в очередной раз отказал в выдаче тысячи пудов хлеба фуражирам 42-й дивизии, которая в эти дни со всех сторон окружила местечко. За махновцами должно признать изрядную долю принципиальности. Как во время визитов большевистских бонз, так и пред лицом красноармейского командования они держались железной линии: хлеб даром не сдавать.

25 ноября Реввоенсовет махновцев предался теоретизированию и утвердил «Общее положение о вольном совете». Решительно невозможно представить себе, чтобы, зная о предстоящем наутро нападении, бывалые партизаны занялись бы вместо самообороны составлением своеобразной политической эпитафии.

Пасмурным утром 26 ноября, когда оставшийся без командира корпус Каретникова уже мчался по Крыму, чтобы вырваться из западни, а харьковская делегация сидела в подвалах чрезвычайки, из Гуляй-Поля в Харьков позвонил Петр Рыбин, анархист из секции пропаганды, и поинтересовался: как идут дела и как скоро ждать решения вопроса о «вольном советском строе»? Ему успокаивающе отвечали, что все будет улажено к полному удовлетворению махновцев, «при этом тут же сообщали, что вопрос с 4-м пунктом

политического соглашения также подходит к благополучному разрешению» (2, 182).

Ровно через два часа после этого разговора Гуляй-Поле было накрыто ураганным артиллерийским и пулеметным огнем. Каким образом Махно и Белашу удалось собрать в охваченном паникой городке, где подводы и тачанки сталкивались на улицах, где рвались снаряды и вновь выли в предчувствии лютой беды бабы, своих триста повстанцев, мы знать не можем. Но факт, что это удалось. Удалось выставить слабое заграждение вокруг села, выслать разведку. Разведка донесла: окружены повсеместно. Дальше произошло нечто похожее на чудо, которому историки пытаются найти рациональное объяснение и все-таки не находят, потому что решительно непонятно, как могла испытанная в боях с махновцами 42-я дивизия упустить Махно, весь его штаб и пропагандистов, при которых было всего сотни три бойцов. Как это ни странно, прав В. Волковинский, который пишет на первый взгляд полную несурязицу: Махно бросил своих людей в прорыв тогда, когда заметил, что «одна из кавалерийских красноармейских частей, наступавшая со стороны села Туркеновки, боясь попасть в окружение, начала отходить» (12, 185). Махно было принял это за хитрый маневр, но, видя, что иного выхода у него все равно нет, бросился вперед наудачу – и выскочил из западни!

Побойтесь Бога, воскликнет читатель, но о каком страхе окружения могла идти речь, когда у Махно было так мало людей?! Перед кем отступала красноармейская часть? И тут ответ неоднозначный, ибо красноармейцы сражались не с реальными махновцами, а с той мифической девятитысячной армией Махно, о которой доносила разведка. Это была в прямом смысле слова битва с призраком, из-за чего шевеление нескольких десятков человек на околице Гуляй-Поля было красными кавалеристами истолковано как грозный маневр, убоявшись которого, они и отступили.

Самое смешное, что красные даже не поняли, что проскочивший мимо них небольшой отряд и есть Махно со всеми его силами. Весь день Гуляй-Поле обстреливалось из орудий, медленно и планомерно сжималось кольцо блокады. Вечером в городок, совершенно случайно – выполняя какую-то свою боевую задачу – ворвалась интернациональная кавбригада под командованием Мате Залки. Не обнаружив противника, кавалеристы устроились на ночлег. Утром бой возобновился: части 42-й дивизии продолжали наступление на Гуляй-Поле и, ничего не зная о маневре дерзкого венгра, грозили уничтожить его конницу. «После перестрелки со своими и между собой недоразумение выяснилось и части... 42-й дивизии и Богучарской бригады к вечеру 27-го вошли в Гуляй-Поле» (24, 214).

Конфузия вышла первостатейная. Все это, действительно, было бы комично, если бы этим не открывалась сызнова кровь. Когда Махно через восемь дней во главе почти трехтысячного отряда вновь отбил у красных Гуляй-Поле, ему были предъявлены единственные аргументы в затянувшемся политическом споре с большевиками: триста трупов впопыхах убитых сторонников «вольного советского строя»...

Аршинов пишет, что после вероломства 26 ноября Петр Рыбин, утром говоривший по телефону с Харьковом и выслушивавший дружелюбные заверения кого-то из чиновников Совнаркома, как-то болезненно сосредоточился на одной задаче: добраться до Харькова,

вызвать по телефону Раковского и сказать ему, что он подлец. «Возможно, – продолжает Аршинов, – что он и выполнил это свое намерение, и, возможно, это привело его к гибели; через 5 дней по прибытии в Харьков он был арестован, а через месяц после этого расстрелян по постановлению чека» (2, 224).

27 ноября ЦК КП(б)У с неизбежными Х. Раковским, Я. Яковлевым и начинающим политическую карьеру В. Молотовым заслушало доклад о ликвидации махновщины. Операции 26–27 ноября можно было считать проваленными: крымский корпус ушел, Махно ушел, неудачей закончилось окружение таврической группы махновцев (удалось окружить и пленить только один свежесформированный полк). А под Бердянском вообще творился позор, оттуда поступали сведения об отряде одного из крупнейших махновских командиров Удовиченко, который свободно разъезжал по уезду, устраивая митинги совместно с представителями большевистской власти. 27 ноября отряд провел митинг в селе Арзур. Агент докладывал: «Был представитель от уездвоенкома города Мариуполя, который сам выступал. Держали себя хорошо, хотя больше всего призывали к безвластию, но приветствовали соединение с красными» (78, оп. 3, д. 589, л. 18). Бердянск был злокачественной глухоманью и провинцией. Ничего-то до него не доходило! Из такого вот попустительства и вспучивались потом крамола и измена, тайное сочувствие, которое даже хуже явного...

ЦК КП(б)У поручил Раковскому, Молотову и Яковлеву вплотную приступить к выполнению задачи «чрезвычайной важности» – уничтожению бывших революционных партизан. Но для этого надо было выправить и ужесточить размягчившийся во фронтовом содружестве партийный дух.

29 ноября Фрунзе вызвал Корка из Симферополя в свой поезд и на основании полученных инструкций устроил ему хорошенькую взбучку. Судя по всему, разговор развивался примерно в таких тонах: какого же черта вы, товарищ Корк, упустили Махно, и как долго будет продолжаться бандитская расслабленность ваших частей?

Получив нагоняй, Корк со станции Дюрмень нижеследующим приказом взбодрил подчиненного ему командующего 3-м конным корпусом Каширина: «На основании указаний, полученных от командюжа, приказываю: 1) Комкорпуса Каширину немедленно продолжить преследование (крымской группы) махновцев с целью их уничтожения. 2) начдиву—15 к вечеру 30/XI сосредоточить дивизию в районе Аскания-Нова—Самойловка– Каталино... выслать конную разведку и на подводах пешую для выяснения отхода махновцев» (78, оп. 3, д. 35, л. 78).

Третий конный корпус, несмотря на жалобы Каширина на загнанность частей, был волевым приказом послан вслед уходящему «крымскому корпусу». Навстречу ему двинули части 42-й дивизии, наперерез – петроградскую бригаду курсантов, которой, если читатель помнит, в последний момент не дали погрузиться в вагоны в Мелитополе.

Какая-то жестокая ирония истории заключена в том, что красные решили взять реванш и отыграться именно на тех частях Повстанческой армии, которые непосредственно помогали им во взятии Крыма. Тот самый курсант Иван Мишин, который в день решающего штурма

сидел с напарником в стогу с катушкой телефонного кабеля, вспоминал: «В мое дежурство в штаб Петроградской бригады курсантов из одного полка позвонили и сообщили, что по балке перемещаются махновцы в составе до тысячи человек. Об этом событии я доложил командиру бригады. Через некоторое время в полк передали, чтобы махновцам дали втянуться в балку, после чего будет дан сигнал к наступлению – выстрел из орудия. Был открыт огонь из винтовок и пулеметов с обеих сторон балки. Оказалось, что это был только передовой отряд махновцев, который отступил, понеся значительные потери. Основные силы избежали поражения» (57).

Правда, ненадолго. Красное командование, один раз опозорившись, решило во что бы то ни стало не допустить второго позора, которым стало бы для него соединение «крымского корпуса» с группой Махно.

Вырвавшись из Гуляй-Поля, Махно прежде всего собрал разбросанные в ближайших селах свежесформированные части. Он еще не осознал всю тяжесть постигшего его поражения, но постепенно избавлялся от иллюзий. 29 ноября на совете Повстанческой армии в Константиновке Махно дал указание: «Временно по силе возможности уклоняться от боев и заняться энергично организацией армии и объединением повстанческих отрядов, а также связаться с отрядом Удовиченко и ждать возвращения крымской группы Каретникова» (12, 186).

Крымский корпус, меж тем, все-таки попал в западню: утром 1 декабря примерно в 120 километрах к северу от Крыма у села Тимошевки повстанцы столкнулись с частями Первой конной и 42-й дивизии. Махновцы пытались прорваться, используя огневую мощь своих пулеметов, пленили один полк, но были отбиты. Бой продолжался целые сутки. Будущий маршал Тимошенко, в ту пору командир 4-й кавдивизии, докладывал Буденному: «Наши части переходили несколько раз в атаку, изрубили до ста кавалеристов, захвачены лошади и несколько пулеметов. Быстрой ликвидации банды мешает обилие у нее пулеметов на хороших лошадях, а также отсутствие при наших частях автоброневиков. Бронепоезд № 63 до настоящего времени на ст. Пришиб не прибыл, а вместе с ним не прибыл и 12-й автоброневой отряд, и местонахождение их неизвестно. Бой продолжается...» (27, 101).

Махновцы пытались вывернуться, уйти на юг – не удалось. Попытались впрямую прорубиться через кавдивизию Тимошенко, но к месту боя, на этот раз кстати, подоспела интеркавбригада Мате Залки, и махновцы дрогнули. К четырем часам вечера повстанцы расстреляли все патроны и были окружены возле села Михайловка. В половине шестого Тимошенко телеграфировал Буденному: «Банды Махно разбиты... Полностью уничтожена пехота, часть взято в плен. Много изрублено кавалеристов, захвачены лошади, тачанки с пулеметами, с упряжью и лошадьми. Остатки разделились на две группы...» (27, 102).

2 декабря интеркавбригада настигла часть махновцев у колонии Рикенау и вырубил 200 человек. Практически весь крымский корпус в ходе непрекращающихся после Перекопа стычек и этих двухдневных боев был уничтожен. Лишь 7 декабря оставшиеся в живых 250 повстанцев отыскали Махно с его отрядом. Встреча должна была произойти в селе Керменчик. Предупрежденный разведчиками, Махно с волнением ожидал возвращения лучшей своей кавалерии. Он в буквальном смысле слова не мог поверить, что от

